

Н.Н. МОЛЧАНОВ

ДИПЛОМАТИЯ
ЦЕТРА
ВЕЛИКОГО

*Портрет Петра I. 1718 г.
Гравер Якоб Хоубракен. 1698–1780 гг.
Автор оригинала Карел де Моор. 1656–1738 гг.*

Н.Н. МОЛЧАНОВ

ДИПЛОМАТИЯ
ИМПЕРА
ВЕЛИКОГО

4-е издание

«Международные отношения»

УДК 327.8(47+57)(091)“16/17”
ББК 63.3(2)511-6
М76

Молчанов, Н. Н.
М76 Дипломатия Петра Великого / Н. Н. Молчанов. — 4-е изд. — М. :
Международные отношения, 2024. — 496 с. ; ил.

ISBN 978-5-7133-1762-1

В книге профессора Н. Н. Молчанова освещается внешняя политика и дипломатия России в период петровских преобразований. В ней раскрывается яркая картина борьбы русского народа за укрепление независимости, могущества России, за превращение ее в великую европейскую державу.

УДК 327.8(47+57)(091)“16/17”
ББК 63.3(2)511-6

ISBN 978-5-7133-1762-1

© Молчанов Н. Н., 1990
© Подготовка к изданию и оформление.
ООО «Издательство “Международные отношения”», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
----------------	---

Часть первая К СЛАВНЫМ ДЕЛАМ

Истоки	25
Немецкая слобода	44
Азовские походы	62
Великое посольство	75
Амстердам.....	93
Лондон и Вена	105

Часть вторая СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Сквозь «облако сомнений»	135
Дипломатическая подготовка Северной войны	152
Вступление России в войну	179
Дипломатия в годы первых побед	198

Часть третья ПОЛТАВА

Перед нашествием	219
Европа, Швеция и Россия	235
Победа	255
Послеполтавская дипломатия	280
Урок на Пруте.....	299

Часть четвертая БРЕМЯ ВЕЛИЧИЯ

Дела турецкие и польские	326
Балтийская политика	350
Аландский конгресс.....	379
Конец Северной войны	408
Неоконченное завершение.....	452
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	480

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатия занимает огромное место в деятельности Петра Великого. Первым из русских царей он стал лично подписывать международные договоры. Эта деталь как бы символизирует тот факт, что Петр создал новую русскую дипломатию, подобно основанию регулярной армии, флота и других государственных институтов Российской империи. В сфере дипломатии особенно наглядно обнаружились результаты его титанической работы по укреплению могущества России, превратившейся в великую державу. Быстрый подъем России поразил воображение современников и потомков. Дипломатия, будучи средством, орудием осуществления внешней политики, ее практического проведения в жизнь, помогает пониманию процесса этого быстрого возвышения. Обычно его объясняют прежде всего воздействием военных побед армии и флота, созданных Петром. Действительно, война долгие годы сопровождала петровскую внешнюю политику. Из 35 лет царствования Петра состояние полного мира сохранялось всего около года. Уже этот факт сам по себе заслоняет роль дипломатии, которой трудно было соперничать со славой великих петровских побед. В отличие от пушечных залпов, дипломатические акции не вызывают столь громкого резонанса.

В самом деле, создание в невероятно короткий срок военноморского флота, энергичное формирование современной могучей армии, преобразившейся из беспорядочной толпы, в панике бегущей из-под Нарвы, в великолепное победоносное войско Полтавы, не могло не поражать умы. Еще более фантастическим казалось

и строительство Петербурга. При этом дело касалось конкретно осязаемых, материальных явлений.

Иное дело — дипломатия. Ее достижения находятся в сфере морального, психологического, политического воздействия на поведение партнеров и противников. Различная природа, сущность военных достижений и дипломатических побед легко делает оценки внешнеполитических акций субъективными и произвольными, не поддающимися измерению числом кораблей, полков, количеством убитых и раненых, перечнем взятых городов и крепостей, размерами занятых территорий.

А между тем успешное преодоление решительного сопротивления всей Европы (включая и так называемых союзников) возвышению России, разрушение всех попыток образования антирусской военно-политической коалиции — величайшее достижение петровской дипломатии. Но были в ней, как и на войне, тяжелые поражения, неудачи и ошибки, имевшие роковые последствия...

Сам Петр великолепно понимал значение дипломатии. Поэтому его ликование по поводу заключения Ништадтского мирного договора далеко превзошло все столь пышно и громко отмечавшиеся им военные триумфы. Не только понять, но и объяснить реальными причинами скрытое таинство дипломатических действий — сложнейшая задача исторической науки.

Большая заслуга в изучении истории петровской дипломатии принадлежит замечательному русскому историку С. М. Соловьеву. Шесть томов своей монументальной «Истории России с древнейших времен» он посвятил царствованию Петра. Больше половины их содержания отведено его внешнеполитической деятельности.

Хотя некоторые и усматривают в этом некое нарушение пропорций, подобное распределение материала служит лишь объективным отражением реально существовавшего положения. Ведь именно таким образом и распределялись внимание, энергия, воля и труд самого Петра. Если уж искать недостатки у С. М. Соловьева, то они скорее в эмпирико-описательном характере его произведения. Но в целом его конкретные оценки роли дипломатии в петровскую эпоху справедливы. Когда он пишет, как в разгар Северной войны «дипломатическая борьба загорелась с новой силой и далеко оставила за собой борьбу военную», то это знаменательное признание приоритета дипломатии в определенные критические моменты представляется совершенно обоснованным. Характеризуя международное положение России к 1718 году (а до зенита ее влияния было еще далеко),

С. М. Соловьев с удовлетворением отмечает: «Прошло много лет, исполненных великих трудов, страшных бедствий и неожиданной славы... Сцена русского дипломатического действия охватила всю Европу, русские интересы переплелись с интересами Германии, Англии, Франции. Кто мог вообразить что-нибудь подобное лет восемь назад?»

Событий, превосходивших всякое воображение, при Петре и благодаря ему было немало. А это и оправдывает интерес к изучению эпохи петровских преобразований новыми поколениями. Советские историки создали много ценных исследований, посвященных эпохе петровских преобразований и конкретным проблемам петровской дипломатии.

Прогрессивная преобразовательная деятельность Петра осуществлялась в рамках феодально-абсолютистского государства. Петр искренне считал высшей целью своей внешней политики интересы отечества, обеспечение государственных интересов, объективно она служила подымавшемуся тогда дворянскому классу и только еще начинавшей зарождаться буржуазии. Внешняя политика, дипломатия Петра предопределялись в последнем счете социальной, классовой природой тогдашней России. Она соответствовала также социальной сущности господствовавшего в то время типа международных отношений, находившихся в переходном состоянии. Международные отношения феодального общества все больше замещались отношениями идущего на смену феодализму капиталистического, буржуазного общества. Это особенно ярко проявлялось в политике стран, уже вставших на путь капиталистического развития, таких как Англия и Голландия. Они сказывались и во внешней политике менее передовых стран, например Франции. Что касается России, то, несмотря на ее отсталость, здесь также элементы старого феодального характера начинают смешиваться с новыми, частично буржуазными тенденциями. Так, в политике Петра причудливо сочетаются экономические интересы нового типа, предопределившие борьбу за выход к Балтийскому морю, с чисто феодальными чертами вроде матримонно-династических увлечений царя.

Вся система европейских международных отношений в XVII–XVIII веках являет картину сложного, противоречивого взаимодействия новых, нарождавшихся принципов и закономерностей со старыми обычаями феодальных времен. Вестфальский мир 1648 года вводит в практику принципы нового времени и открывает эту переходную эпоху. Если раньше участниками международных отноше-

ний были исключительно коронованные лица, монархи, то после признания независимости Нидерландов и Швейцарии ими становятся государства, страны, нации. Монарх в качестве субъекта внешней политики действует от имени государства. Seriously ослабляется влияние теократического, религиозного фактора, внешняя политика отделяется от церкви, государства становятся светскими. Поэтому коалиции и союзы все чаще представляют собой смешение католических и протестантских стран. Для германского императора-католика врагом становится католик Людовик XIV, а друзьями — протестантские Англия и Голландия и т. п. Постепенно утверждается принцип государственного суверенитета, который уже не может, как прежде, ограничиваться надгосударственной духовной или светской властью папы римского или германского императора. Наконец, все страны, независимо от религиозной принадлежности, размеров, местонахождения, признаются равноправными.

Но эти прогрессивные принципы на практике оставались в основном идеалом, а действительные международные отношения чаще всего строились на старых феодальных обычаях. По-прежнему в дипломатических связях продолжает господствовать личностный фактор, и смена на троне государя часто приводила к изменению внешней политики. Внешнеполитическая стабильность, сохраняющаяся даже при смене соперничающих политических партий у власти, как это происходит в наше время, тогда была явлением новым, но уже реально существовавшим (к примеру, в Англии в моменты, когда виги сменяли партию тори и наоборот). Все это крайне усложняло дипломатическую практику тех времен, как сейчас усложняет работу историка дипломатии. Тем более знаменательна та поразительная способность к адаптации, которую проявили Петр и его сподвижники-дипломаты. Петровская дипломатия использует новые принципы и превосходно ориентируется в феодально-династических интригах старого типа. Московская дипломатия обретает необычайную гибкость, и этим она в решающей степени обязана гениальной интуиции Петра Великого. Петровское царствование знаменательно тем, что в некоторых областях, например в создании флота, армии, отдельных отраслей промышленности, весьма значительное отставание было наверстано и преодолено в считанные годы. Совершенно аналогичный, если не более интенсивный, процесс происходил и в дипломатии.

Неизбежно возникает вопрос о нравственном уровне тогдашней дипломатии. Возможно, читатель будет шокирован описанием

того, как в своей повседневной деятельности дипломаты использовали такие неблагоприятные методы, как взятки, подкупы иностранных деятелей и т.д. Между тем тогда это вовсе не считалось зазорным. Моральные, этические принципы служили просто формой дипломатического красноречия. Для дипломата его частная, личная мораль не имела ничего общего с моральным содержанием его служебной дипломатической деятельности. Гарольд Никольсон, считающийся классиком буржуазной дипломатии, скептически замечая, что вообще «дипломатия не является системой моральной философии», писал о дипломатах XVII века: «Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали». Удивляться надо не тому, что русские послы везли с собой сундуки, набитые соболями и червонцами, что они давали взятки и подкупали иностранных сановников, а тому, что при этом они сохраняли убеждение в предосудительности таких действий и явно стыдились их. Исторические документы свидетельствуют о многочисленных проявлениях морального негодования петровских дипломатов и самого Петра по отношению к фактам наглого мошенничества, прожженного интриганства, обмана и лжи. В такого рода сентенциях сказывалась патриархальная наивность и нравственная девственность неопитов. Впрочем, они хранили ее не слишком бережно, ибо надо было жить, точнее говоря, России необходимо было выжить в среде сплошной враждебности.

Характерно различие между марксистским подходом к оценке Петра и демократической русской традицией, идущей от Пушкина, декабристов, Герцена, Белинского и Чернышевского. Нам понятно их восхищение Петром Великим, образ которого воплощал для них идеал национального героя. Однако в их оценках эмоции часто заменяют научный анализ. Многие великолепные высказывания Пушкина или Белинского о Петре отличаются глубоким историческим чутьем. Но трудно принять характеристику Герценом великого русского царя как «коронованного революционера». Научное понятие общественной революции подразумевает не просто любую радикальную перемену, но преобразование классового характера. Петр же, хотя и был отнюдь не консерватором, существенно не затронул основные старые социальные структуры русского общества.

Более того, социальное отставание России от Западной Европы даже усиливалось. Г. В. Плеханов справедливо отмечал, что в эпоху

Петра Великого в передовых странах «быстро исчезали последние остатки крепостного права», но в России XVIII века «закрепощение крестьян доходит до апогея». Наблюдаются два параллельных процесса, направленных в противоположные стороны. Быстро догоняя Европу, Россия во многом шла вперед, но в главном, в социальном развитии, топталась на месте. Это противоречие и породило неполноценность реформы, непрочность многих прогрессивных начинаний Петра. Крепостное право, политическое бесправие даже самого дворянства предопределили сохранение социальной основы отсталости России. Точно так же легендарный петровский демократизм имел чисто личный характер, проявлявшийся лишь в поведении и манерах Петра в узком кругу близких друзей. Он действительно искренне хотел «служить народу». Но фактически его «народом» в ту эпоху был в основном лишь привилегированный класс дворян, за пределами которого оставалась громадная масса «подлого» русского люда.

Вообще все оценки и характеристики людей и событий той далекой эпохи имеют неизбежно относительный характер, предопределяемый спецификой места и времени. Поэтому самый критический подход к Петру не означает посягательства на его несомненное историческое величие. В России начала XVIII века не было более реального, активного, передового носителя прогресса, чем Петр I. Даже такое одиозное орудие абсолютистского государства, каким была деспотическая, самодержавная власть, оказавшаяся в его руках, превратилось благодаря исторически оправданным и в максимальной степени соответствующим интересам развития России действиям Петра Великого в фактор прогресса. Цель Петра — преодоление отсталости России ради ее собственного спасения — оправдывала пресловутые «крайности» его правления, делала их неизбежным злом, порожденным объективными, не зависящими от его воли историческими условиями. Ошибки, отрицательные качества личности Петра, даже его пороки — проявление случайности, в форме которой всегда действует историческая необходимость. Поэтому данные «случайности» должны быть на втором, третьем... десятом и т. д. плане в поле зрения историка, любого, кто берется давать Петру подлинно научную оценку.

Одним из наиболее острых, в сущности самым кардинальным, продолжает оставаться вопрос о цене, которую пришлось заплатить русскому народу за петровские преобразования. Противники этих преобразований разного толка, движимые чувствами вульгарного

русофильства или примитивного консерватизма, увидели в них «повреждение нравов» старой Руси, опасный «революционный» прецедент и т.п. Для них вся петровская эпоха – сплошное несчастье, роковым образом омрачившее русскую историю. Но даже среди тех, кто признает прогрессивность петровских реформ, некоторые считают, что она не стоила тягот и страданий, перенесенных Россией. При этом речь идет лишь о масштабах жертв, а не о том, насколько они окупались. Историческая аксиома, в соответствии с которой без усилий и жертв никакой прогресс немислим, что за прогресс надо платить, просто игнорируется.

А чтобы сделать свою критику Петра более убедительной, его противники стремятся всячески преувеличить бесспорные тяготы, которые действительно пришлось вынести русскому народу в царствование Петра. Вопреки очевидному факту экономического подъема России в первой четверти XVIII века пытаются доказать, что Петр не усилил Россию, а ослабил ее, особенно экономически. Пальма первенства в «научном» обосновании этой версии принадлежит известному кадетскому политику и историку П. Н. Милюкову. Еще в конце прошлого века он писал в своей работе о хозяйстве России при Петре, что «ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». Произвольно оперируя примитивной статистикой, Милюков пытался доказать, что в результате налоговой реформы Петра (введение подушной подати) тяготы русского крестьянина возросли в три раза, что деятельность Петра разорила страну и привела к уменьшению ее населения. Концепция Милюкова была встречена критически с самого начала, а затем и опровергнута в работах русских и зарубежных специалистов. Однако он продолжал ее пропагандировать. В первом томе «Истории России», вышедшей в 1935 году в Париже на французском языке под редакцией Милюкова, глава о петровских преобразованиях имеет характерный заголовок: «Результаты реформ: хаос».

В 1959 году с детальным разбором выводов Милюкова выступил специалист по истории экономики России академик С. Г. Струмилин. Что же побудило крупнейшего советского экономиста вновь обратиться к уже опровергнутым старым теориям? «Концепция Милюкова об угроении налогов, – писал С. Г. Струмилин, – к сожалению, и донныне еще воспринимается без достаточного анализа и фактической проверки даже в таких солидных коллективных трудах советской академической науки, как “Очерки истории СССР”». Действительно, в вышедшем в 1954 году томе «Очерков», посвящен-

ном преобразованиям Петра I, который до сих пор остается наиболее обширным (814 стр.) советским трудом по этой теме, воспроизводились основные выводы Милюкова. Они подобным образом фигурировали и в других книгах. Так, в первом томе учебника «История СССР» для исторических факультетов университетов, изданном в 1947 году, говорилось: «Налоговые тяготы крестьянства с введением подушной подати увеличились почти в три раза».

Это и заставило С. Г. Струмилина предпринять специальное исследование, в котором он показал несостоятельность теории Милюкова. Действительно, Петр добился резкого увеличения бюджетных поступлений, но это явилось следствием не утроения налоговых тягот каждого плательщика, а главным образом их нового перераспределения. Произошло не разорение страны, а рост экономической мощи России. Да и мыслимо ли было бы вообще без этого небывалое укрепление ее международных позиций, решение важнейших внешнеполитических задач и превращение России в великую державу?

В 1982 году вышла работа советского историка Е. В. Анисимова «Податная реформа Петра I», в которой спорная проблема глубоко исследована на основе многочисленных архивных материалов. Автор также показал ошибочность милюковских расчетов. Хотя он не во всем согласен с конкретными данными С. Г. Струмилина, в целом он в своих выводах ближе к нему, чем к Милюкову.

Нельзя пройти мимо общего заключения академика С. Г. Струмилина: «Петровская эпоха великих преобразований в России привлекала к себе внимание очень многих русских историков. И все же экономика этой эпохи не получила и доныне достаточного освещения. Во всяком случае ошибочных оценок и легенд в этой области было до сих пор гораздо больше, чем твердо установленных фактов и бесспорных суждений».

Хотя в изучении петровской внешней политики положение далеко не столь мрачно, нерешенных проблем и в этой области все же хватает.

Они начинаются у самых истоков дипломатии Петра, понимаемой в широком смысле, то есть не только в качестве техники проведения внешней политики, но и включающей саму эту политику. Взял ли Петр ее в готовом виде у своих предшественников? Или, напротив, он создал все заново, и между петровской внешней политикой и политикой его предшественников лежит непроходимая граница? И первое, и второе мнение представляют собой крайности. Правда, в литературе чаще всего встречаются утверждения, что Петр

унаследовал основные направления своей внешней политики. Акцент делается, как правило, на сходстве между старым и новым, тем более что сам Петр не раз подчеркивал, что продолжает политику своих предков. Но эти его высказывания нельзя принимать без учета обстоятельств, в которых они были сделаны. Перед лицом оппозиции, обвинявшей его в отречении от всего исконно русского, Петр намеренно подчеркивал свою связь с прошлым. К тому же в данном случае это выглядело вполне достоверно, особенно в самом начале его царствования, когда Петр продолжил войну с Турцией, начатую еще до него. Затем, прекратив эту войну, он выступил против Швеции и начал добиваться выхода к Балтийскому морю. Однако и для этого нашлись прецеденты в царствование Ивана Грозного и отца Петра — Алексея Михайловича. Балтийское направление, таким образом, не было новым. Но тогда оно оставалось только направлением, предопределяемым неизменностью географического положения России. Вот здесь-то и начинались различия, при сохранении преемственности. Историки петровской внешней политики, прибегающие к классическому методу сравнения, почему-то отдают предпочтение сходству, то есть выяснению неизменного, постоянного. Однако задача истории — обнаружить движение, найти различия между старым и новым. Такой метод представляется более плодотворным.

Он открывает картину поразительного прогресса, достигнутого Россией в укреплении своих международных позиций. Московское государство оставило в наследство Петру обязанность платить дань крымскому хану и отсутствие заметного влияния в европейских делах. В 1648 году в Вестфальском мирном договоре, надолго определившем политическую карту Европы, великий князь Московский упоминается в списке европейских монархов на предпоследнем месте. После него фигурировал лишь князь Трансильвании.

В конце царствования Петра Россия завоевала славу победителя легендарной шведской армии. Она обладала могучей армией, морским флотом и превратилась в сильнейшую державу, способную соперничать и говорить на равных с крупнейшими странами, даже с самой влиятельной и богатой среди них — с Англией.

Если взять дипломатию в чисто техническом аспекте, то и здесь видны коренные изменения. До Петра Россия не имеет постоянных дипломатических представительств, тогда как Франция, например, держит своих послов и резидентов в 19 странах. Редкие, эпизодически появляющиеся при европейских дворах московские великие послы вызывают смех своими нелепыми требованиями оказы-

вать московскому государю почести как самому великому монарху в мире, и официальными попытками навязать европейским королям немислимые идеи о войне против их самых близких союзников и о дружбе с опаснейшими противниками. Ведь основные явления мировой политики московским дипломатам иногда не были известны. Но проходит какой-то десяток лет после выхода Петра на международную арену, и послы России, образованные, не уступающие ни в чем изощренным западным дипломатам, действуют в крупнейших европейских столицах. Они становятся влиятельными и уважаемыми, с ними все считаются, их даже побаиваются. Кроме вновь созданных дипломатических каналов связи с европейскими странами возникли или были резко расширены связи экономические, культурные, военные, религиозные. Россия стала влиятельнейшим участником международных отношений во всех сферах.

Допетровская Россия поддерживала постоянные политические отношения лишь со своими соседями: Швецией, Турцией, особенно с Польшей. Связи с такими странами, как Англия или Голландия, строились на основе внешнеторговых интересов этих стран. Внешняя политика Московского государства носила, таким образом, региональный характер. Петровская дипломатия, сохраняя и расширяя эти старые отношения, имеет совершенно иную сферу политических интересов, охватывающих всю Европу. Следовательно, это уже не региональная, а глобальная общеевропейская политика.

Сравнение в главном конкретном вопросе о выходе к Балтийскому морю также больше говорит о различии. Действительно, предки Петра сознавали жизненную необходимость для России завоевания балтийского побережья. Но Петр пошел дальше осознания этого интереса. Он воплотил его в конкретные внешнеполитические цели, создал средства их достижения и успешно достиг их. Иван Грозный воевал за Балтику 24 года и не только не приобрел вершка побережья, но потерял его важнейшие части. Он потерпел полное поражение и совершенно разорил страну, вызвав действие факторов, которые привели к Смутному времени, поставившему Россию на грань гибели. Петр же за 10 лет разгромил опаснейшего врага, завоевал на огромном протяжении балтийское побережье, а затем заставил Европу признать эти справедливые и оправданные приобретения.

Итак, различие между допетровской политикой и дипломатией Петра огромно, сравнение во многих отношениях бессмысленно, ибо возникла совершенно новая, активно действующая сила мировой политики, а выросший на глазах изумленной Европы Петербург

стал одним из важных центров всемирной дипломатической жизни. И все же нет оснований говорить о полном разрыве и об отсутствии преемственности. Петр вовсе не отказался целиком от полученного им дипломатического наследства. Он использовал все ценное, начиная с сохранения на дипломатической службе старых, опытных московских дипломатов. Все, что было рационально, разумно и проверено на опыте, Петр бережно сохранял, решительно отбрасывая устаревшее. Была ли дипломатия Петра совершенно новой или обновленной старой? Каково в ней соотношение старого и нового? Вот, пожалуй, одна из проблем, требующая работы и мысли историка.

Еще одна проблема касается условий, в которых действовала петровская дипломатия. Станным образом возникло убеждение, версия или, если хотите, легенда о необыкновенной легкости, с какой могли действовать дипломаты Петра. России, оказывается, просто случайно повезло в отношении международного положения начала XVIII века, которое сказочным образом играло на руку Петру, облегчая ему реализацию самых смелых замыслов. Возникновение этого мифа в какой-то мере связано с чрезмерно расширительным толкованием и применением приведенного выше высказывания Ф. Энгельса об «исключительно благоприятных» условиях, которые Петр оценил и успешно использовал.

Между тем совершенно справедливая мысль Энгельса была ретроспективной оценкой главных итогов всей внешней политики Петра и общих условий их достижения. Действительно, на протяжении 21 года Северной войны, которую вела Россия, 12 лет одновременно шла война за испанское наследство. В ней участвовали крупнейшие европейские государства, в том числе и союзники Швеции. Они, естественно, не могли оказать ей всю ту помощь в борьбе с петровской Россией, на какую они были бы способны, если бы имели свободные руки. Это и в самом деле оказалось весьма благоприятным для замыслов Петра.

Однако такое положение вовсе не означает, что условия каждой конкретной дипломатической акции были благоприятны. Не значит это и того, что факт скованности действий европейских держав существовал на всем протяжении Северной войны. В действительности он проявлялся лишь в последнем счете, в определенные конкретные моменты, ослабляя невероятно сложные, тяжелые условия, с которыми постоянно сталкивалась внешняя политика России. Возможности антирусской активности стран Западной Европы были ограничены исключительно в военной области, но отнюдь не в ди-

пломатической. Разве война за испанское наследство помешала Англии, Германской империи, Франции непрерывно изощряться в дипломатических интригах против Петра?

Дипломатия считается сложнейшим видом человеческой деятельности. Старая Россия во многом отставала в этой области. Петру пришлось иметь дело с дипломатией западных стран, имевших многовековой опыт. Во Франции, например, во времена Петра уже была Дипломатическая академия. Возникла наука международного права. Были написаны классические труды Гроция, Пуфендорфа и других мыслителей. Появилась даже теория международных отношений в трудах английского философа Т. Гоббса, которая до сих пор считается классической. Что могла противопоставить этому Россия?

Крайне сложной была, например, обстановка, в которой Петр принял решение о войне против Швеции. Достаточно сказать, что Россия в тот момент вообще практически не имела армии, поскольку Петру пришлось ликвидировать стрелецкие полки. Россия еще не заключила мира с Турцией, а войну на два фронта вести было невымыслимо. Европейские страны действительно готовились к войне за испанское наследство. Однако оставалось неизвестным, когда эта война начнется и начнется ли вообще. В 1698 и 1700 годах состоялись соглашения о мирном разделе испанского наследства, призванные предотвратить войну. Правда, этого не произошло. Но полной изоляции Швеции все же не наблюдалось. Англия и Голландия в начале Северной войны помогли Швеции разгромить Данию, союзника России, позволили ей быстро перебросить войска под Нарву и нанести страшный удар по неопытной, еще не обстрелянной русской армии. Традиционным союзником Швеции оставалась Франция, выплачивавшая Карлу XII солидные субсидии. На втором этапе войны, уже после Полтавы, против России пытаются создать коалицию европейских стран. Англия, стоявшая во главе этой комбинации, принимает прямое участие в войне на стороне Швеции. Кроме того, над Петром постоянно висит угроза войны на два фронта, а в 1711 году европейская дипломатия спровоцировала Турцию на выступление против России, и на Пруте возникла катастрофическая ситуация. Наконец, внутри страны вспыхивают восстания в Астрахани, Булавина, башкир. Измена Мазепы говорит сама за себя. Что касается двуличного, лицемерного, просто предательского поведения союзников России вроде саксонского курфюрста или прусского короля, то оно фактически не прекращалось всю войну. Трудно вообразить более сложное нагромождение неблагоприятных обстоятельств. Раз-

ве случайно в письмах Петра в разное время прорываются горькие сетования, что «облако сомнений» терзает его, что приходится действовать «как слепым», что он находится «в адской горести»? И так все долгие годы Северной войны...

Разумеется, наряду с войной за испанское наследство, отвлекавшей силы недругов России, существовали и другие положительные факторы, такие как немыслимые дипломатические ошибки Карла XII, противоречия между Англией и Голландией и другие столкновения интересов в Европе. На стороне России был и фактор внезапности ее политического и военного возвышения, заставший врасплох европейских правителей, наивно недооценивших Петра. Словом, внимательный анализ международного положения России в начале XVIII века не дает оснований говорить как об исключительно благоприятном, так и о совершенно неблагоприятном стечении обстоятельств. Действительное положение вещей не поддается таким схематическим оценкам и представляет неизмеримо более сложную и противоречивую картину.

Перечисление и характеристику проблем истории петровской дипломатии можно было бы и продолжить. Их много, поскольку необъятен исторический материал данной темы. Но в конце концов все они сводятся к задаче максимально точной оценки дипломатии Петра. Это тоже проблема, которая концентрирует все остальные. При этом речь идет об оценках двоякого рода: обобщающих всю внешнеполитическую деятельность Петра и оценивающих результаты той или иной конкретной, частной ситуации.

Оценка первого рода, то есть максимально обобщающая, не может сводиться лишь к утверждению, что внешняя политика Петра, ее дипломатическое воплощение, была успешной. Это можно с равным успехом сказать об очень многих периодах в истории русской внешней политики, не идущих ни в какое сравнение с петровской политикой по своей сущности. Что же касается сущности, то прежде всего надо подчеркнуть ее подобие событиям, когда решалась судьба России, таким, например, как спасение ее независимости от польско-шведского завоевания в начале XVII века. Успешное осуществление петровской внешней политики укрепило независимость России, отстояло и обеспечило ее национальное и государственное существование. Угроза этому существованию в конце XVII века была совершенно реальной из-за все увеличивающейся отсталости России от Европы, из-за явной тенденции и способности Европы к колонизации России. Эту тенденцию выразил, например, знаменитый

